

Содержание

От автора 9

ИЗАБЕЛЬ БЕРТОН

Одна душа в двух телах 17

ДЖЕЙН ДИГБИ АЛЬ-МИЗРАБ

Матримониальные вариации 223

ЭМЕ ДЮ БЮК ДЕ РИВЕРИ

Послание от призрака 325

ИЗАБЕЛЬ ЭБЕРХАРД

Портрет легенды 431

Благодарности 491

Источники 493

Об авторе 499

*Влюбленные всегда живут в одной книге,
но порой на разных страницах.*

От автора

Четыре героини моей книги подобны северным ветрам, которые волею судьбы занесло в южные края. Все они принадлежали миру Западной Европы XIX века, где яркие эмоции уже начали выцветать, предвещая упадок женственности в XX столетии. И хотя эти женщины не похожи друг на друга ни характером, ни происхождением, ни воспитанием, у них тем не менее есть кое-что общее: каждая, проявив отвагу, нашла на Востоке ту страсть, которая в родных местах была бы невозможна. И каждая из них, пусть и по-своему, обрела любовь, которая стала мостиком к счастью, свободе и самовыражению.

Восток манил многих женщин, особенно англичанок. Эти дамы откликались на зов его путеводной звезды, куда бы она ни звала. Они отправлялись в длинные путешествия или короткие поездки, становились исследовательницами или туристками, шли на поводу у собственной прихоти, как леди Эстер Стэнхоуп, или всерьез увлекались востоковедением подобно Гертруде Белл и Фрейе Старк. Женщины, которых выбрала я, не были столь уж одарены интеллектуально. Все их достижения относятся скорее к миру чувств, и несмотря на всю свою смелость они видели Восток только сквозь призму личного опыта.

Эме дю Бюк — робкая, неискушенная девушка, выросшая в стенах монастыря. Изабель Эберхард — полная противоположность Эме, была загадочной, непредсказуемой и весьма раскованной барышней со славянскими корнями. Джейн Дигби —

богатая и свободолюбивая разведенная дама, романтическая идеалистка, несмотря на большое количество любовников сохранившая очаровательную невинность нрава. И наконец, Изабель Арунделл — викторианская барышня из обедневшей семьи, задышавшаяся в рамках традиционного уклада. Она терпеливо ждала своего часа и любила с неистовой преданностью. Лишь в одном мои героини похожи: внутренний порыв привел их на Восток, где каждая нашла исполнение своих желаний.

* * *

Во всех этих женщинах романтизм сочетался с прагматизмом. Праздные грезы о любви, свойственные европейским романтикам той эпохи, были чужды им, напротив, они стремились жить полной жизнью и решительно воплощали мечту в реальность. В те времена романтика — если к ней кто-то и стремился — представлялась большинству обывателей как одни лишь вздохи и лишения. Она ассоциировалась с утасующей от чихотки дамой с камелиями, надрывно кашляющей в кружевной платочек. С Листом, исполняющим музыку Шопена — только представьте, как она разносится над туманными садами близ озера Комо или сливается с перезвоном колоколов затерянного в горах монастыря. С Шарлоттой Штиглиц, покончившей с собой в надежде хотя бы так вдохновить своего посредственного мужа-поэта.

Да, от такого существования веяло мертвецким хладом, но альтернативой романтическим терзаниям была крепнущая викторианская чопорность и ханжество. Неудивительно, что любовь да и сама жажда жизни год от года тускнели, а проявления женственности постепенно превращались в стыдные секреты. В мире, полном чахоточных поэтов, общественных ограничений и табу, лишь отчаянные смельчаки решались вкушать тайные прелести Востока.

Именно в то время обитатели западных стран внезапно открыли для себя восточную романтику. В XVIII веке те дальние края воспринимались как сказочная декорация, на фоне которой в моцартовском «Похищении из сераля» свергались падишахи и плелись интриги. Это зрелище пришлось по душе и посетителям элегантных версальских салонов, и зрителям театра в венском Хофбурге. В Австрии премьеру оперы Моцарта встретили бурными овациями. Но с наступлением девятнадцатого столетия мелодичные напевы стихли, и теперь искушенную публику очаровывала поэзия Байрона.

Родился новый образ Востока — более знойный, хотя по-прежнему далекий от реальности. Кичливый героизм уступил место свирепому величию. Возвращаясь из странствий, путешественники вроде князя Германа Пюклера-Мускау* рассказывали о доблестных арабах и чудесах восточного гостеприимства. В далекой России Пушкин упивался экзотикой крымских сказаний, а вслед за ним Лермонтов вдохновенно писал о кавказских страстях.

Вскоре усыпанные драгоценностями ятаганы украшали даже самые простые поместья, а партитура «Галопа мамлюков»** стояла на пюпитре каждого фортепиано. На гигантских полотнах Энгра и Делакруа разворачивались сладострастные сцены, в каждой из которых под вуалью восточной экзотики таилось животное начало, свойственное всем существам из плоти и крови. Некоторые женщины, подобные моим героиням, наверняка об этом догадывались — хотя бы на подсознательном уровне.

* Немецкий писатель, садовод и путешественник. Созданный им крупнейший в Центральной Европе ландшафтный парк Мускау в 2004 г. признан памятником Всемирного наследия. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, прим. пер.*

** Танцевальная композиция британского композитора Шарля Луи Наполеона д'Альбера, популярная в XIX в.

Они ощущали, как сужаются границы их мира, видели, как холодный свет прагматизма омрачает их жизнь, словно серая туча посреди ясного небосвода. Казалось, он вскоре поглотит все голубое небо. К счастью, за романтический мираж еще можно было ухватиться, сделать его реальным — просто не здесь. Поэтому они с готовностью обратили свой взор на Восток.

Стоит признать, что мои героини стремились сохранить свободу, неведомую восточным женщинам, и им это удалось. Пурда*, неравенство полов, чадры — все это их не коснулось. Изабель Эберхард обходила правила, притворяясь мужчиной. Джейн Дигби осталась финансово независимой, а потому соотечественники мужа без лишних вопросов приняли ее как равную. Эме дю Бюк де Ривери, хоть некоторое время и была вынуждена следовать восточным устоям, в конце концов изменила правила игры. Из всей четверки, пожалуй, лишь Изабель Арунделл соответствовала идеалу покорной восточной жены, пусть и была энергичной и предприимчивой англичанкой. Тем не менее каждая из моих героинь, кажется, осознавала, что смирение дарует им такие возможности самовыражения, какими никогда не обладали их современницы на Западе.

Возможно, эта самая покорность и несла в себе нечто такое, что в Европе почти вымерло, ведь она давала покой, к которому подсознательно стремились женщины. Восточная атмосфера располагала к созерцанию, неге, почти животной неподвижности — состоянию, совершенно чуждому западному человеку.

В Европе даже досуг — явление совершенно иного толка — стал диковинкой. Вдали уже ревел надвигающийся ураган перемен: грохот и лязг миллионов механизмов, наращающих

* Морально-этический кодекс, основанный на исламских законах о положении женщины в обществе и семье, а также традициях, существовавших испокон веков среди народов Ближнего Востока.

обороты. Индустриализация вступала в свои права. Скоро общество окончательно подчинится подавляющему все вокруг ажиотажу деловитости и эффективности, а бурная деятельность и высокий темп жизни начнут превращаться в самоцель.

Этот натиск уже был готов обрушиться на западного человека и молотить, покуда не выбьет из него все чувства. Главное, чтобы выдержали нервы. Но киф, созерцание, сверкающие опиумные таблетки и сонная, сытая дрема убаюканных чувств — все это по-прежнему было доступно на Востоке. Думаю, некоторые (если не все) мои героини об этом прекрасно знали. В тех далеких краях оставалось место для *женственности*.

* * *

Давайте посмотрим на самую несвободную из моих героинь, Эме дю Бюк де Ривери. Она выросла в монастыре, потом попала в плен к пиратам, а затем — в гарем османского султана. Даже став наложницей, рабыней, Эме обладала большей свободой быть женщиной, чем те, кто попал в экономические тиски западной цивилизации.

Возможно, вы спросите, почему, рассказывая о мечтательницах, связавших свою жизнь с Востоком, я не упомянула леди Эстер Стэнхоуп — фигуру архетипическую, «старшую сестру» моих героинь. Да потому что она не столько искала женского счастья, сколько бежала от своей натуры. Эстер жаждала власти, а не любви.

Для меня Стэнхоуп навсегда останется марионеткой, важно вышагивающей по сцене и позирующей на фоне диковинного пейзажа, который она считала всего лишь декорацией для своих выступлений.

Мои героини из иного теста. Возьмем, к примеру, Джейн Дигби — леди Элленборо. Несмотря на знатное происхождение, красоту, обаяние и приятный характер, она не обрела сча-

стью в любви даже к сорока годам. Именно в этом возрасте, после очередного горького разочарования, Джейн задумалась о путешествии на Восток. Чтобы раствориться в любви (с присущей ей элегантностью), она нарушила все табу своего времени. Ее поведение в лучшем случае считали эксцентричным, в худшем — скандальным. Джейн жила, игнорируя любые правила, предупреждения и доводы разума, и наградой за это стало величайшее счастье.

Изабель Бертон я выбрала потому, что она — идеал женщины, всю себя посвятившей любви. Ее биография похожа на увлекательный приключенческий роман, ведь избранником Изабель стал один из самых известных путешественников своей эпохи — великолепный Ричард Бертон. Изабель была не только классической викторианской барышней, но и пламенной католичкой. Предрассудки, да и взгляды на жизнь у нее были вполне типичными для такой дамы. Однако она вышла замуж за еретика, скандального нарушителя общественного спокойствия. Изабель не могла сопровождать мужа в тех увлекательных экспедициях, которые прославили его в веках, но сила ее любви была столь велика, что как его жена она прожила и прочувствовала все волнительные приключения своего супруга. Пусть и мысленно, но Изабель побывала с мужем в Мекке, исследовала Африку, пробралась в Харэр... Так она ощутила вожделенную свободу, приблизилась к настоящим приключениям, а также узнала больше о путешествиях и Востоке, чем, возможно, любая из ее современниц.

Что же касается Изабель Эберхард, то о ней я решила рассказать потому, что она была олицетворением переходного периода. Времена, когда женщины находили смысл жизни в любви, уходили в прошлое, и наступал век, когда прекрасный пол начал стремиться к равенству в труде и возможностях. Образ этой девушки с русскими корнями, которая переделалась муж-

чиной и обрила голову, чтобы отправиться в пустыню и жить с арабами на равных, поистине западает в душу. Медленный распад личности Изабель и крушение ее надежд видятся мне предвестниками перелома эпох, первыми ласточками грядущего века тревог.

Изабель Эберхард, как и многие женщины, последовавшие по ее стопам, верила, что может войти в мужской мир, сказавшись мужчиной, и это сделает ее жизнь более полной. Но она навсегда осталась лишь актрисой в этом спектакле с переодеваниями. Костюм не преобразил ее сути. За ним все равно скрывалась покорная, нежная и щедрая женщина, и мужчины пользовались этим со свойственной им жестокостью. Изабель — предтеча многих героинь современной прозы. Невротичная, полная нигилизма, разочарованная — щепка на волнах океана жизни — она стала одним из первых примеров распада привычных устоев.

Вот мы и вернулись к тому, с чего начали. Устремившись в диковинные края, все мои героини нашли хотя бы толику женского счастья.

Изабель Бертон

Одна душа в двух телах

1

Она с самого начала знала чего хочет, а потому упорно двигалась к цели, будто локомотив. Никаких сомнений и сожалений. Она устремилась на Восток, едва заметила Ричарда Бертона. Он, смуглый, с арабскими чертами лица и глазами хищной пантеры, стал для нее путеводной звездой, воплощением всех ее сокровенных желаний, Востоком в человеческом обличье.

Бертон был одним из величайших путешественников своего времени, непревзойденным исследователем Востока, по праву носившим зеленую чалму хаджи*. Ричард был единственным европейцем, помимо Буркхардта, которому удалось совершить паломничество в Мекку, увидеть ее святыни глазами мусульманина и воочию узреть то, что больше никто из неверных не видел. Избранник Изабель знал множество редких восточных диалектов и говорил на двадцати восьми языках (злопыхатели едко подмечали, что один из них — порнографический), но родным считал арабский. Каждое его путешествие на Восток становилось сенсацией в Англии, ведь в то время дешевые морские туры, которые позже сделает популярными Томас Кук, еще не появились.

Изабель с юности зачитывалась книгами Бертона и следила за каждым моментом его легендарных экспедиций. Когда же

* Головной убор, который мог носить мусульманин, совершивший паломничество (хадж) в Мекку. — *Прим. ред.*

она наконец с ним познакомилась, он стал для нее олицетворением далеких стран ее мечты. «Хочу быть в его жизни каждый день и каждую ночь, — написала Изабель матери, которая отказывалась благословить этот союз даже спустя десять лет, полных страстных томлений дочери. А потом продолжила: — Если бы только я была мужчиной, я бы стала Ричардом Бертоном! Но я женщина, а потому стану его женой». Она жаждала быть возле него и в жизни, и после смерти.

Ричард и Изабель в любом веке показались бы странной парой, но в глазах современников выглядели особенно эксцентрично. И все же большинство из них видели, что влюбленные не могут друг без друга — несмотря на вялые попытки Бертона доказать обратное. Супруги были половинками целого, «одной душой в двух телах», и, согласно предсказанию цыганки Хагар, не разлучались надолго ни в жизни, ни в смерти.

Бертон, потрясший викторианскую Англию сочинениями о Востоке с нотками фрейдизма (хоть и писал их до Фрейда), циник с умом, в котором сухие факты сплетались с неясным мистицизмом, упорно утверждал, что с точки зрения психологии он — близнец, утративший пару, а Изабель — тот самый утерянный фрагмент, которого ему недоставало. Всю жизнь их связывала череда поразительных, то ли предначертанных, то ли случайных событий. Видения во сне и наяву, телепатические беседы, предчувствия и странные совпадения прекрасно вплетались в паутину из нитей судьбы и молитв, которую искусно создавала Изабель.

Она была ревностной католичкой, но притом суеверной, а в зрелые годы увлеклась парапсихологией. Все это, как и убеждение, что у ее любимых животных есть душа, навлекло на нее осуждение церкви. Зато мусульманские догматы приносили Изабель утешение: в раю Мухаммеда было место для девяти животных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru